

**ЛИДИЯ ЮРЬЕВНА
МИХЕЕВА**

профессор,
председатель совета
(руководитель)
Исследовательского
центра частного права,
доктор юридических
наук

О НЕРАЗРЕШЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ ИНСТИТУТА ЛИЧНЫХ ПРАВ ПО РОССИЙСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ

Статья посвящена защите нематериальных благ личности, модели личного права, перечню личных прав, сделкам по поводу нематериальных благ, защите конституционных прав посредством гражданско-правовых мер, а также другим вопросам института личных прав.

Ключевые слова: личные права, нематериальные блага, сделки с нематериальным объектом

DOI: 10.37239/0869-4400-2025-22-1-94-104

Эта статья посвящена личным правам, которые в отечественной правовой традиции чаще именуют личными неимущественными правами. Представляется, что вопреки сложившемуся словоупотреблению и прямому упоминанию именно о личных неимущественных правах в ст. 18, 150, 151 и 208 ГК РФ более верно было бы называть их личными правами по причинам, изложенным Е.А. Флейшиц¹ в ее знаменитой работе «Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран», которая остается лучшей русскоязычной монографией в этой области на протяжении более чем восьмидесяти лет.

Принято считать, что отечественный институт личных прав в его современном виде был сформирован за счет включения в Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 года ст. 7 «Защита чести и достоинства». Разумеется, это суждение верно лишь отчасти, ибо сама возмож-

¹ См.: Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М., 2015. С. 90–92.

ность фиксации в законе права на защиту чести и достоинства стала возможной благодаря сложившимся к 1961 году более или менее благоприятным социальным и политическим факторам (с одной стороны) и развитию частноправовой доктрины (с другой).

Как известно, огромная заслуга в этом принадлежит Е.А. Флейшиц, чей творческий гений позволял строить учение о защите личных прав даже во времена сталинизма. Каждый, кто приступает к теме личных прав, просто обязан ознакомиться с главой III названной монографии², где ее автор, тщательно и по крупинкам собирая в нормативных источниках аргументы, практически на пустом месте и полностью вопреки окружающей социально-политической реальности постулирует и обосновывает личные права, на многие годы вперед закладывая пьедестал, на котором предстоит утвердить индивидуальность личности и ее правовую охрану. Это ли не подлинная вершина искусства права?

Вне всякого сомнения, этот научный подвиг способствовал тому, что отечественная доктрина впоследствии смогла достойно обосновать расширение перечня объектов гражданского права за счет включения в них нематериальных благ, а также признание за гражданами личных прав, подлежащих именно гражданско-правовой, т.е. в действительности наиболее эффективной защите.

К 1992 году, когда были введены в действие Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года (далее — Основы 1991 года), содержавшие не только правила о защите чести, достоинства и деловой репутации, но и первое упоминание о компенсации морального вреда, а также утверждение о том, что личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными, регулируются гражданским законодательством (п. 2 ст. 1), созрели и идеологические предпосылки для смены подходов.

Смена курса — признание индивидуалистских начал, расцвет политических свобод — создавала тогда достаточно оснований для насыщения личными правами нового правового поля. В это время слова И.А. По-

кровского о том, что «чем далее, тем определеннее наблюдается движение по пути охраны человеческой личности как таковой во всей совокупности ее индивидуальных интересов и особенностей»³, воспринимались как пророчество, которое сбывается.

Введение в действие главы 8 ГК РФ в 1995 году ознаменовало собой новую эпоху института личных прав, получившего признание за счет:

1) выделения отдельной группы объектов гражданских прав — нематериальные блага (как известно, Основы 1991 года не содержали главу, посвященную объектам);

2) краткого описания в ГК РФ основных черт личных прав и способов их защиты.

Особое значение и тогда, и в течение трех десятков последовавших за этим лет имело и имеет правило о возможности защищать личные права посредством обращения к ст. 12 ГК РФ — как писал А.Л. Маковский, в соответствии с существом нарушенного права и характером нарушения⁴.

Институт личных прав был отчасти модернизирован в 2013 году⁵. В нем было расширено описание доступных для обладателей личных прав способов защиты. В ст. 152.2 ГК РФ был впервые сформулирован и отражен базовый принцип защиты частной жизни — если сведения раскрыты по воле гражданина, то далее они распространяются свободно, а этот гражданин сможет потребовать защиты только в случае злоупотребления третьими лицами свободой поиска и использования информации. В п. 10 ст. 152 ГК РФ появилось упоминание о защите от «красивой» или «нейтральной» лжи, а в п. 2 ст. 150 Кодекса — о запрете на приближение, о запрете преследования (сталкинга), о запрете на опубликование фотографий или видеозаписей и т.д., т.е. о возможности применения судами такого способа защиты личных прав, как пресечение (запрещение)

³ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 121.

⁴ Маковский А.Л. Екатерина Абрамовна Флейшиц (очерк жизни и творчества) // Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 72.

⁵ Более подробно об этом см.: Михеева Л.Ю. Модернизация института нематериальных благ: достижения и перспективы // Кодификация российского частного права 2019 / под ред. Д.А. Медведева. М., 2019. С. 185–197.

² Там же. С. 183–241.

действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения.

Незначительный по объему, но чрезвычайно важный законодательный материал главы 8 ГК РФ невероятно ценен для правопорядка и как системная единица позитивного права, дающая опору для исков, и как площадка для дальнейшего развития института личных прав. На такое развитие хотелось бы надеяться и рассчитывать даже в самые трудные и тяжелые для правопорядка времена, именно поэтому само существование главы 8 в Кодексе имеет огромное значение.

Внутри ГК РФ сложилась в целом довольно стройная система норм, образующих ядро института личных прав. Основное значение этих норм состоит в закреплении способов их защиты, а также в отсылке к ст. 12 ГК РФ. Между тем на природу личных прав имеющееся регулирование проливает недостаточно света.

С учетом наличия в целом ряде иных федеральных законов норм гражданского права, определяющих личные права или описывающих порядок их осуществления, явной несогласованности этих норм с положениями и принципами Кодекса⁶, а также с учетом подчас противоречивых позиций в актах официального толкования нельзя считать доктрину личных прав совершенной или во всяком случае завершенной.

В преддверии 30-летнего юбилея Кодекса справедливо хвалить его и его создателей. Все добрые слова в адрес главы 8 ГК РФ и всех, кто имел отношение к ее созданию, вне всякого сомнения, заслуженны. Вместе с тем представляется необходимым сосредоточить внимание цивилистической общественности на том, что так и не было сделано, на том, что нам всем еще предстоит сделать, преодолевая не только собственные предубеждения, но и политические и идеологические препоны.

К числу наиболее значимых проблем института личных прав по российскому праву можно отнести следующие.

1. Некоторая незавершенность модели личного права

С учетом того, что отечественное учение о личных правах отталкивается от учения об объектах гражданских прав, подавляющее большинство комментаторов выстраивают для объяснения содержания личного права модель «права на объект», что порождает семантическую ассоциацию прежде всего с вещным правом. Однако в действительности это не во всех случаях допустимо и создает ненужное заблуждение у правоприменителя. По сей день справедливо суждение Е.А. Флейшиц о том, что «проприетарная конструкция личных прав никаких выводов, пригодных для надлежащей защиты этих прав, не обеспечивает»⁷.

Такому положению дел способствует фиксация нематериальных благ в списке объектов прав (ст. 128 ГК РФ). Обнаруживая жизнь, здоровье, личные тайны, честь, изображение и иные личные блага в списке объектов гражданских прав, всякий юрист готов по известной ему и привычной вещной модели выстроить концепт обладания этими объектами, извлечения выгод из них и распоряжения ими. Именно поэтому, как представляется, встречаются суждения о том, что к числу правомочий, составляющих содержание личного права, относятся владение, пользование и распоряжение неким «объектом»⁸. Однако М.М. Агарков еще в 1915 году весьма убедительно показал, что если в самом начале становления права на имя французские суды вынужденно прибегали к проприетарной модели (право собственности *sui generis*), то в действительности в этом приеме нет необходимости, ибо право на имя имеет иную природу и содержание⁹.

Упречность триады владения, пользования и распоряжения как правомочий внутри личного права не требу-

⁶ Достаточно упомянуть только о Законе РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» или Федеральном законе от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», отдельные нормы которых напрямую конфликтуют с правилами ГК РФ. В то же время есть еще несколько десятков федеральных законов, в которых содержатся нормы, относящиеся к личным правам.

⁷ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 165.

⁸ См., напр.: Пресняков М.В. Обязанность граждан заботиться о своем здоровье: можно ли заставить человека быть здоровым? // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 24–33.

⁹ Агарков М.М. Право на имя // Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М., 2012. С. 183 и далее.

ет доказывания. Измышления о том, каковы способы извлечения пользы из таких благ, например, как честь, свобода передвижения, достоинство или личная неприкосновенность (напомним, они названы объектами гражданских прав), возможны, но беспочвенны и, что важнее, не привносят ничего в институт личных прав, так как не помогают обосновать ни иски о защите этих прав, ни модель относительного правоотношения с нематериальным содержанием.

Наиболее ярко абсурдность проприетарного подхода к личным правам проявляется при анализе содержания так называемого права на здоровье, которое в цивилистическом ключе анализируется как право на особое нематериальное благо — право на фактический «объем» здоровья, который никто не вправе уменьшать, право на тело и т.д.

Вещное право на тело, точнее на правомерно отделенные от него элементы, более чем очевидно и в последних работах по российскому частному праву окончательно обосновано¹⁰.

Однако личное право на здоровье вовсе не означает присвоения «плодов» от использования этого блага или отчуждения «частей» здоровья третьим лицам. Очевидно, что содержание этого субъективного гражданского права сводится к формуле «действовать своей волей и в своем интересе», т.е. исчерпывается знанием о частной автономии. Такой подход не препятствует существованию модели конституционного права на охрану здоровья, которому корреспондирует обязанность государства такую защиту обеспечить (ст. 41 Конституции России).

Сталкиваясь с утилитарной задачей описания личного права (в том числе и для того, чтобы доказать суду само существование такого права и последующее его нарушение ответчиком), правовед вынужден прибегать к известным ему и другим правоведом категориям. Поэтому попытка взять то, что лежит под рукой, т.е. модель вещного права, может быть понята, но не должна приветствоваться.

Для объяснения феномена личных прав есть и другие возможности. Даже советская правовая традиция,

воспринимая и присваивая немецкое учение о субъективном праве (или его отголоски), предлагала выделять внутри субъективного права возможность требовать от обязанного лица исполнения обязанностей, а также свободу совершать или не совершать собственные действия, «совершать их в полном объеме или же частично, в порядке, наиболее удобном для удовлетворения его интереса, и т.д.»¹¹.

Автор главы 27 классического учебника по гражданскому праву А.Е. Шерстобитов развивает эту идею и пишет, что для личных прав «характерно наличие двух правомочий, это, во-первых, возможность управомоченного лица требовать от неопределенного круга обязанных лиц воздержания от нарушений его права; во-вторых, возможность прибегнуть в случае нарушения его права к установленным законом мерам защиты»¹².

Личное право — в действительности уникальная модель субъективного гражданского права. Описывая ее через право на то или иное личное благо (например, объясняя право на неприкосновенность, право на облик или внешность, право на голос, право на частную жизнь и т.п.), мы не должны подразумевать при этом всякий раз присвоенность этого личного блага, хозяйственное господство над ним, присвоение его «плодов». С этой точки зрения концепция единого личного права справилась бы с объяснением феномена субъективного личного права и его содержания гораздо успешнее, ибо она не подразумевает наличия в центре этой модели какого-то объекта — в ее центре сам человек.

2. Отторжение концепции единого личного права (*das allgemeine Persönlichkeitsrecht* или *Individualitätsrecht*) и провальность открытого перечня личных прав

К настоящему времени стало совершенно очевидно, что отечественный правопорядок, характеризующийся

¹⁰ См., напр.: Новоселова Л.А. Распоряжение телом человека: гражданско-правовой аспект // Закон. 2021. № 8. С. 115–130.

¹¹ Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 133, 138.

¹² Гражданское право: учеб. в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2019. Т. II. С. 438–439.

своим подчас нездоровым позитивизмом, не готов видеть и защищать личные права за пределами того их списка, который можно обнаружить в ГК РФ и в иных федеральных законах.

Известно, что институт личных прав может основываться на одной из двух концепций — всеобъемлющей идее единого личного права и идее открытого перечня отдельных субъективных личных прав. У И.А. Покровского упоминается право на индивидуальность (право на утверждение индивидуальности) — весьма общая и самодостаточная категория, которая тоже может быть взята за основу при объяснении феномена единого личного права¹³.

Вслед за О. фон Гирке и его последователями, а также вслед за Е.А. Флейшиц, которая принесла эту идею в русскоязычную литературу XX века¹⁴, автор настоящей статьи продвигает концепцию единого личного права, имеющего бесчисленное множество порождений, «рефлексов», проявлений — множество, растущее благодаря развитию цивилизации и возникновению новых типов социальных связей, новых личных интересов, не защищать которые правопорядок как инструмент, служащий людям, не может.

Не случайно XXI век озаменован «новыми» личными правами, защищать которые призывают правопорядки европейских стран, да и право России, — речь идет о праве носить религиозное или иное особое одеяние, о праве на личное пространство (требование человека не подходить к нему слишком близко, запрет иной физической или психологической интервенции в его личную сферу), о «репродуктивных» правах¹⁵, о праве на «забвение» в сети Интернет¹⁶ и пр.

Строго говоря, текст Кодекса не может быть истолкован в пользу только первой или только второй концепции. На наш взгляд, более уместно было бы говорить о том, что в Кодексе представлено их диалектическое единство, которое при известном интеллектуальном

усилии могло бы давать нужный практический эффект — каждый гражданин мог бы рассчитывать на признание, уважение и защиту его личности как со ссылкой на концепцию единого права, так и со ссылкой на открытый перечень личных прав.

Однако с этой задачей не всегда справляются как сами обладатели личных прав, так и суды, в которые они обращаются за защитой. Есть немало примеров тому, как правоприменитель не находит достаточных оснований, чтобы признать то или иное личное право, не названное в Кодексе или ином законе.

В деле гр-на С.Ф. Шиловского¹⁷ было нарушено как право покойной матери заявителя на достойное отношение к ее телу после смерти¹⁸, так и право самого заявителя на уважение к телу близкого ему человека и к традициям погребения, существующим в его семье, право на достойное прощание с близким человеком. Читатель может подобрать и иные слова для описания этих как будто бы отдельных личных прав, однако, скорее всего, мы все будем интерпретировать так называемое право на достоинство. Увы, ни одна из судебных инстанций, куда обращался заявитель, к подобному выводу не пришла, а Конституционный Суд РФ упомянул о праве на охрану достоинства личности, однако лишь как о конституционном, а не как о субъективном гражданском праве, нарушение которого требует компенсации морального вреда¹⁹.

Тезис о неудачности концепции открытого перечня подтверждает практика применения ст. 150 ГК РФ, в составе которой есть одно чрезвычайно важное условие — для взыскания компенсации морального вреда суд должен установить, назвать то личное право истца, на которое посягнул ответчик.

Можно заключить, что это основной камень преткновения в тех спорах о компенсации морального вреда, где этот вред причинен родителям в связи с гибелью их детей, клиенту косметического салона в связи с искажением его внешности, не повлекшим таких по-

¹³ Покровский И.А. Указ. соч. С. 121, 125, 130–131, 320.

¹⁴ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 167–173.

¹⁵ Часть 3 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

¹⁶ Часть 1 ст. 103 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

¹⁷ Постановление КС РФ от 26.10.2021 № 45-П.

¹⁸ Статья 5 Федерального закона от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле».

¹⁹ Впрочем, и этого достаточно для применения гражданско-правовых способов защиты, о чем будет сказано далее.

следствий, которые принято называть повреждением здоровья, и т.д. Трудно сказать, насколько неуспех истцов в подобных делах связан с неумением их представителей обосновывать существование личного права, не названного напрямую в ГК или в ином федеральном законе (в приведенных примерах — *right to respect for family life*, т.е. право на уважение к семейной жизни в контексте ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод либо, если не находится причин считать эту Конвенцию годным для применения источником, то в ином контексте, а также право на внешность), но нельзя отрицать и того, что сами суды не всегда готовы такое обоснование искать и выстраивать.

Более того, общим местом является то обстоятельство, что описание того или иного как будто бы отдельного личного блага, моделирование как будто бы отдельного личного права наталкивается на тесную, неразрывную связь этого блага с иными нематериальными благами, связь одного личного права с другими личными правами.

Так, например, унижающее человеческое достоинство обращение со стороны обидчика одновременно может представлять собой и недопустимое вторжение (интервенцию) в частную жизнь, и умаление чести и достоинства, и умаление душевного благополучия, которое является неотъемлемой частью (!) понятия здоровья в соответствии с терминологией ВОЗ.

Казалось бы, одна только эта причина должна была подтолкнуть наш правопорядок к концепции единого личного права.

Однако практическое обсуждение этой идеи наталкивается прежде всего на риск преувеличения значения личных прав. Увы, мало что изменилось в этом вопросе с конца XIX — начала XX века, ведь, как писала Е.А. Флейшиц, и тогда существовало опасение, «как бы на практике не стали относить к нарушению личных прав любое действие, которое пожелают представить как посягательство на личность, как бы не оказалась чрезмерно расширенной защита личности»²⁰. Что же, подобному аргументу мы можем противопоставить лишь известное правило о том, что осуществление

прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции России). Как видится, этого правила достаточно для снятия любых опасений.

Нельзя сбрасывать со счетов и еще одно обстоятельство — автору не раз доводилось слышать довольно расчетливое суждение о том, что концепция множества личных прав дает возможность взыскивать с ответчика несколько различных сумм компенсации за нарушение каждого якобы отдельного личного права, даже если ответчик совершил только одно деяние.

3. Несовершенство защитного инструментария, предлагаемого законом обладателям личных прав

Выше уже отмечалось, что ценность представляет даже отсылка к ст. 12 ГК РФ, содержащаяся в ст. 150 Кодекса. Тем более после поправок, внесенных в ст. 150 ГК РФ в 2013 году, нельзя осуждать российского законодателя за недостаточное число предусмотренных законом исков о защите личных прав.

Однако проблема заключается не в недостатке исков, а в том, какими правовыми средствами обеспечивается исполнение судебных решений, выносимых по требованиям о защите личных прав.

Во-первых, каждый факт неисполнения должником по исполнительному производству требования неимущественного характера потребует фиксации, но судебный пристав-исполнитель присутствует в месте, где находится должник, далеко не в каждом случае нарушения судебного акта или повторного посягательства со стороны этого должника на личное благо взыскателя. В ряде стран используются электронные или иные технические средства фиксации нарушений со стороны должника, однако такая возможность не отражена в российском законодательстве об исполнительном производстве.

Во-вторых, негативные последствия неисполнения судебного акта по требованию неимущественного характера весьма незначительны. В соответствии с ч. 2 ст. 105 Федерального закона от 2 октября 2007 года

²⁰ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 169–170.

№ 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» при неисполнении должником требований, содержащихся в исполнительном документе, без уважительных причин во вновь установленный срок должностным лицом службы судебных приставов составляется в отношении должника протокол об административном правонарушении в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и устанавливается новый срок для исполнения. Неисполнение должником содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера в срок влечет лишь наложение административного штрафа на граждан в размере от 1000 до 2500 рублей; на должностных лиц — от 10 000 до 20 000 рублей; на юридических лиц — от 30 000 до 50 000 рублей (ст. 17.15 КоАП РФ). Повторное игнорирование требования пристава повлечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 2000 до 2500 рублей; на должностных лиц — от 15 000 до 20 000 рублей; на юридических лиц — от 50 000 до 70 000 рублей.

Не исключено, что некоторым обидчикам несложно всякий раз платить за неуважение к требованию судебного пристава-исполнителя, т.е. за неуважение к суду и к правопорядку в целом, но при этом продолжать игнорировать интересы того гражданина, который выиграл иск. Решение этой проблемы должно быть комплексным и вряд ли может быть привязано лишь к случаям защиты личных прав.

В-третьих, для эффективной защиты права на личную неприкосновенность нужны не только правовые средства. Справедливая критика нескольких версий законопроекта о борьбе с домашним насилием сводилась к тому, что жертве такого насилия нередко некуда уйти, негде переночевать, поэтому государство должно создать условия для временного пребывания тех людей, кто подвергается насилию.

Эти факторы должны быть учтены при оценке так называемого запрета на приближение, который, как уже отмечалось, содержится в ГК РФ, как и запрет на звонки, сообщения и письма от навязчивого абонента-сталкера, неправомерно вторгающегося в личное пространство истца. Недостаточно выиграть иск об установлении подобного запрета. Истцу может потребоваться еще немало усилий для того, чтобы этот запрет соблюдался, был эффективным.

Субъективные гражданские права только тогда будут иметь должные гарантии их реализации, когда для их защиты будут подготовлены не только частноправовые, но также и все необходимые публично-правовые меры.

М.М. Агарков, сожалея о недостаточной защищенности личных благ средствами гражданского права, писал еще в 1915 году о том, что при этом «им дается энергичная уголовная защита»²¹. На этом фоне сожаление вызывает не только судьба составов «Клевета» и «Оскорбление», удаленных из Уголовного кодекса РФ в 2011 году²², но и фрагментарное возвращение уголовной ответственности за клевету в 2012 году²³, а также крайне скудная практика по составам, предусмотренным ст. 137, 138, 139, 146, 148, 149 УК РФ.

Наконец, остается недостаточно раскрытым потенциал иска о компенсации морального вреда. С давних времен известны сомнения в том, насколько уместно и безопасно использовать этот способ защиты гражданских прав, насколько допустима с точки зрения нравственности оценка страданий и увечий в деньгах, однако представляется, что слабое употребление этого способа на практике вызвано вовсе не этими сомнениями, а элементарным неуважением к личности и ее интересам.

Риску предположить, что в обозримом будущем не будет иметь успеха идея внедрения в российское законодательство или в акты официального толкования некоторого аналога Миланских таблиц или иных аналогичных таблиц расчета компенсации морального вреда. Такого рода идея предлагается у нас довольно давно²⁴, однако если она до сих пор не воспринята правопорядком, то это означает лишь то, что внутри него нет годных для ее имплементации условий, как нет условий и для того, чтобы зафиксировать в писаном праве минимальный размер компенсации морального вреда применительно к посягательству на то или иное

²¹ Агарков М.М. Указ. соч. С. 184.

²² Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

²³ Федеральный закон от 28.07.2012 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

²⁴ См., напр.: Эрделевский А.М. Критерии и метод оценки размера компенсации морального вреда // Государство и право. 1997. № 4. С. 8–10.

благо. Феномен этот довольно трудно объяснить, можно лишь догадываться о его причинах, которые, как представляется, скорее относятся к неким невербальным идеологическим установкам, существующим в общественном правосознании.

Однако такое предположение не препятствует движению по пути признания ценности личных прав и необходимости развития института компенсации морального вреда.

Более того, перспективным видится также путь развития иных способов защиты личных прав, в том числе упомянутого выше запрета на совершение определенных действий, понуждения к совершению определенных действий (например, к удалению информации из соцсети), а также признания судом факта нарушения личного неимущественного права или опубликования решения суда о допущенном нарушении. Чем чаще такие способы будут применяться, тем реже может ставиться и вопрос о компенсации морального вреда, ибо многие истцы будут получать моральное удовлетворение иным способом.

4. Отсутствие в доктрине модели относительного правоотношения по поводу личного блага, неразрешенность вопроса о сделках с нематериальным содержанием

Воспевая хвалу институту личных прав, каждый их ценитель имеет в виду прежде всего возможность защиты личного права от всякого посягательства, т.е. смотрит на личное право прежде всего как на право абсолютное. С этой точки зрения не требует усилий и описание абсолютного правоотношения по поводу личного права — в центре этого правоотношения находится обладатель субъективного права, ему противопоставит неопределенный круг лиц, обязанных воздерживаться от всякого нарушения этого права.

Однако на подступах к описанию относительной правовой связи между обладателем личного права и его контрагентом — определенным лицом, желающим воспользоваться преимуществами, порождаемыми личным правом другого лица, всякий отечественный юрист столкнется с рядом известных препятствий:

1) в силу п. 1 ст. 150 ГК РФ личные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом. Между тем контрагент обладателя личного права хоть отчасти, хоть «на время», но хочет получить чужое личное благо или воспользоваться им, что может привести к суждению о недействительности такой сделки в соответствии со ст. 168 ГК РФ;

2) в силу п. 3 ст. 22 ГК РФ сделки, направленные на ограничение правоспособности, по общему правилу ничтожны. Однако обещание обладателя личного права осуществлять свое личное право определенным образом или на некоторое время ограничить себя в его осуществлении (например, обещание не раскрывать личную информацию и не передавать личные архивы и фотографии никому, кроме определенной кинокомпании; обещание поучаствовать в телешоу на закрытой территории, выполнять задания ведущих с риском для собственного физического или психического здоровья; обещание ежедневно приходить на работу с определенной прической и макияжем, надевать специальную обувь и т.п.) может выглядеть для кого-то не просто как самоограничение частной автономии в результате сделки, но как поражение самого себя в правоспособности;

3) в силу ст. 169 ГК РФ ничтожна сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что судебная оценка сделки между обладателем личного права и его контрагентом может основываться на тезисе о нравственной составляющей положения п. 1 ст. 150 ГК («неотчуждаемы и непередаваемы»).

Тот, кто причастен к организации бизнес-процессов, назвал бы перечисленные доктринальные пробелы или недосказанности юридическими рисками, которые неизбежно будут сопровождать правоотношение с обладателем личного права, даже если сделка с ним будет наилучшим образом продумана, согласована и надлежаще оформлена.

На становлении института личных прав и на решении вопроса об относительном правоотношении с нематериальным содержанием отразилась также дискуссия о предмете гражданского права, которая велась десятилетиями и результаты которой в известной

мере ограничивали частную автономию в вопросе осуществления личных прав. Советская правовая традиция признавала возможность защиты нарушенных личных прав, но подавляющее большинство цивилистов отрицало возможность проспективного регулирования отношений по поводу личных благ²⁵. Тезис о неотчуждаемости личных благ воспринимался как запрет установления в законе не только правил о сделках с такими благами, но и каких-либо диспозитивных правил об осуществлении личных прав.

Как уже отмечалось, в советской правовой традиции сделки по поводу личных благ воспринимались отрицательно прежде всего в связи с недопустимостью «торговли» нематериальными благами. Вместе с тем совершенно очевидно и не единожды сказано, что в целом ряде сделок об использовании личных благ нет ничего предосудительного. Такие договорные отношения весьма распространены и были распространены еще до новейшего времени (в противном случае не было бы возможным упоминание о позировании за плату в ст. 514 ГК РСФСР 1964 года).

Впрочем, наилучшее описание этого вопроса принадлежит перу И.А. Покровского²⁶, заложившего прочную основу для дискуссии о соглашении с нематериальным содержанием и о возможности применения юрисдикционных мер к лицу, нарушающему условия такой сделки.

В модели абсолютного личного права обладатель личного права действует своей волей и в своем интересе, выбирая тот или иной способ осуществления своего права или воздерживаясь от его осуществления, а все третьи лица воздерживаются от посягательства на это право. Такая монополия представляет собой достаточную предпосылку для обоснования возможности допуска определенного третьего лица к данному благу (в том только случае, если существует фактическая возможность доступа!), и она близка к той монополии, о которой писал В.А. Дозорцев применительно к характеристике интеллектуальных прав²⁷.

Полагаю, вне зависимости от того, сможет ли подавляющее большинство отечественных цивилистов принять саму мысль о допустимости сделок по поводу некоторых личных благ, а также от того, какую модель договорного правоотношения предложат для этих сделок те, кто эту мысль примет, — лицензионный договор или договор *sui generis*, — законодатель или судебная власть должны начать создание моделей этих сделок.

Точнее, речь идет по существу о строительстве только одной конструкции — сделки о разрешении ограниченного использования личного права, ибо передача этого права по понятным причинам невозможна. В отсутствие внятного допущения этой сделки и на фоне положений абз. 1 п. 2 ст. 1 и п. 2 ст. 421 ГК указанные выше риски будут сохраняться.

В любом случае надо признать — недооценен тезис о том, что ряд личных благ не относится к неотчуждаемым (как писал Де Боор, существует «группа прав, которые постольку передаваемы, поскольку на место отчуждателя может вступить приобретатель в своей деятельности личности»²⁸).

5. Недостаточная убежденность в частноправовой защите конституционных прав и свобод, нечастое применение гражданско-правовых способов их защиты

В действительности институт личных прав способен поглощать как те права, которые называют как естественными, так и те, которые именуют конституционными. Нормативным основанием для этого служит прежде всего п. 2 ст. 2 ГК РФ, в силу которого неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ. Следуя по этому пути, всякий цивилист способен прийти к заключению о том, что нарушение публичной властью неотчуждаемых прав и свобод есть деликт, влекущий

²⁵ Об этом см., напр.: Гражданское право: учеб. в 4 т. Т. II. С. 435–436 (автор соответствующей главы — А.Е. Шерстобитов).

²⁶ Покровский И.А. Указ. соч. С. 134–138.

²⁷ Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. ст. М., 2005. С. 48.

²⁸ De Boor H.O. Urheberrecht und Verlagsrecht. Stuttgart, 1917. S. 69, 71–71. Цит. по: Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 177.

гражданско-правовую ответственность (ст. 16, 1069, 1070 ГК РФ). Речь идет о тех конституционных правах и свободах, которые в ГК не упомянуты, — право распространять религиозные и иные убеждения, право на пользование родным языком, право на объединение, свобода мысли и слова, право проводить собрания и т.д.

Такое суждение вовсе не является новым для отечественного права. Так, например, М.Н. Малеина пишет о том, что может быть признано субъективное право на окружающую природную среду²⁹, что с учетом упоминаний об этом благе в Конституции России в контексте обязанностей органов публичной власти по охране этого блага может привести лишь к одному практическому выводу — неисполнение властями этих обязанностей, повлекшее ухудшение качества природной среды, может дать гражданину в руки деликтный иск к государству.

Укреплению идеи о защите конституционных прав средствами гражданского права может способствовать и одно из прежних определений Конституционного Суда России (от 3 июля 2008 года № 734-О-П). В этом акте применительно к конституционному праву граждан на судебную защиту Суд указал, что «возможность применения статьи 151 ГК Российской Федерации в отношениях, имеющих публично-правовую природу... связана с вытекающей из статьи 46 Конституции Российской Федерации обязанностью государства по созданию обеспечивающих реализацию права на судебную защиту конкретных процедур, в том числе по исполнению судебных решений, и, следовательно, компенсационных механизмов в случае, если эти процедуры не привели к защите нарушенных прав». Понятно, что эта правовая позиция была высказана до введения в действие Федерального закона от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», однако она не является единственной и может наряду с иными аргументами служить обоснованию широкого понимания гипотезы п. 2 ст. 2 ГК РФ.

²⁹ Малеина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40–47.

Принятие этого подхода дает возможность использования всего инструментария деликтного права, в том числе принципа генерального деликта, для защиты нарушенных социальных, политических и иных конституционных прав, в том числе для защиты индивидуальной свободы, свободы индивидуальной самодеятельности, о которой писал И.А. Покровский и без которой немыслима истинная частная автономия.

Отрицание такого подхода, разумеется, возможно, но в текущих условиях оно лишь будет способствовать нарушению этих прав, в то время как они нуждаются в эффективной, т.е. в гражданско-правовой, защите.

История института личных прав показывает, что и в России, и в странах Запада он формировался во многом благодаря энтузиазму тех ученых-юристов, кого можно назвать проповедниками права, возносящими личность и ее интересы. Они призывали и призывают верить в то, что нет ничего ценнее человека, и юридический быт со временем отвечает им, демонстрируя признание права на индивидуальность во всех ее проявлениях, не мешающих индивидуальности других лиц.

Но не вся наша надежда лишь на деятельный вклад таких людей в становление и развитие правопорядка. Как писал И.А. Покровский, «чем более развивается человечество, чем более начинает оно жить разносторонними нематериальными интересами, тем более праву приходится брать их под свою защиту, и, в частности, гражданское право не может уклониться от участия в этой защите»³⁰. Существуют объективные предпосылки, меняющие социальную картину и следом за этим возвеличивающие духовные ценности. Истекшие 30 лет дали нам возможность за этим наблюдать. ■

Unresolved Problems of the Personal Rights Institute in Russian Civil Law

The article is devoted to the protection of the individual's non-material values, the model of personal right, the list of personal

³⁰ Покровский И.А. Указ. соч. С. 143.

rights, transactions with an non-material values, the protection of constitutional rights through civil law measures, as well as other issues of the institution of personal rights.

Keywords: *personal rights, non-material values, transactions with an non-material values*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lidia Yu. Mikheeva

Professor, Chairman of the Council (Head) of the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences (e-mail: mikheeva@privlaw.ru)

REFERENCES

- Agarkov, M.M. "The right to a name" [*Pravo na imya*], in: Agarkov, M.M. Selected works on civil law in 2 vol. [*Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu. V 2 t.*]. Vol. 1. Moscow, 2012.
- Alekseev, S.S. Mechanism of legal regulation in the socialist state [*Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve*]. Moscow, 1966.
- Dozortsev, V.A. Intellectual Rights: Concept. System. Tasks of codification: Collected articles [*Intellektual'nyye prava: Ponyatiye. Sistema. Zadachi kodifikatsii: sb. st.*]. Moscow, 2005.
- Erdelevskiy, A.M. "Criteria and method for assessing the amount of compensation for moral harm" [*Kriterii i metod otsenki razmera kompensatsii moral'nogo vreda*]. State and Law [*Gosudarstvo i pravo*]. 1997. No. 4.
- Fleyshits, E.A. Selected works on civil law in 2 vol. [*Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu. V 2 t.*]. Vol. 1. Moscow, 2015.
- Makovskiy, A.L. "Ekaterina Abramovna Flyishits (sketch of life and work)" [*Ekaterina Abramovna Fleyshits (ocherk zhizni i tvorchestva)*], in: Fleyshits, E.A. Selected works on civil law in 2 vol. [*Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu. V 2 t.*]. Vol. 1. Moscow, 2015.
- Maleina, M.N. "Defenitions and types of intangible benefits as objects of personal non-property rights" [*Ponyatiye i vidy nematerial'nykh blag kak ob'yektov lichnykh neimushchestvennykh prav*]. State and Law [*Gosudarstvo i pravo*]. 2014. No. 7.
- Mikheeva, L.Yu. "Modernisation of the institution of intangible goods: achievements and prospects" [*Modernizatsiya instituta nematerial'nykh blag: dostizheniya i perspektivy*], in: Medvedev, D.A. (ed.). Codification of Russian private law 2019 [*Kodifikatsiya rossiyskogo chastnogo prava 2019*]. Moscow, 2019.
- Novoselova, L.A. "Disposal of Human Body: Civil Law Aspect" [*Rasporyazheniye telom cheloveka: grazhdansko-pravovoy aspekt*]. Statute [*Zakon*]. 2021. No. 8.
- Pokrovskiy, I.A. Main problems of civil law [*Osnovnyye problemy grazhdanskogo prava*]. Moscow, 1998.
- Presnyakov, M.V. "The Duty of Citizens to Take Care of their Health: Is It Possible to Force a Person to Be Healthy?" [*Obyazannost' grazhdan zabotit'sya o svoym zdorov'ye: mozno li zastavit' cheloveka byt' zdorovym?*]. Actual Problems of Russian Law [*Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava*]. 2022. No. 10.
- Sukhanov, E.A. (ed.) Civil Law: A textbook in 4 vols. [*Grazhdanskoye pravo: ucheb. v 4 t.*]. Vol. II. Moscow, 2019.